

Глава 10. Пара «спящего дракона» и «молодого феникса»

— И они согласились? — Чжубу Хань Хань был одновременно изумлён и разгневан. — Эти главы кланов совсем из ума выжили! Как можно так легко уступать, когда на кону стоят наши интересы! Сегодня он заставил их вернуть арендаторов и земли, завтра — вдвое поднимет налоги, а послезавтра и кости наши пережует и выплюнет! Этот Еян Цы — Тигрица Яньчжи, как же старейшины этого не разглядели!

Сяньчэн Го Саньцай, поглаживая длинную бороду, тоже счёл положение весьма щекотливым. В данный момент у местной знати не было никаких преимуществ: ни благоприятного момента, ни выгоды места, ни согласия в народе. Он вздохнул:

— Сейчас ничего не поделаешь. Нас прижали «великодушием» князя Гаотана и уездного судьи, запугали угрозой разбойников «Кровавого Колокольчика», да ещё и апеллируют к общественному мнению и безопасности города. Ни с точки зрения долга, ни с точки зрения выгоды мы не в выигрыше... Эх, нет у нас никого при дворе.

Хань всё ещё кипел от негодования:

— Какой-то уездный судья, у которого тоже нет никакой опоры в столице, так легко нас обставил! А всё потому, что прикрылся именем князя Гаотана, лиса в тигровой шкуре! И какие у них отношения, с чего бы Его Высочеству вдруг выкладывать за него пятнадцать тысяч лянов! Доброта? Смешно! Почему же до его приезда Цинь Шэнь не проявлял к нашему Сяцзиню такой доброты?

Сяньчэн Го тоже не мог этого понять:

— Если это личные отношения... не сходится. Этот Еян Цы — содомит, а князь — нет. Говорят, Его Высочество холоден по натуре, не любит светских приёмов и поэтических вечеров, и не разбирается в военном деле, как покойный князь Лу. Ему в этом году уже двадцать три, а в его резиденции не только нет княгини, но даже служанок и юных пажей. Человек он, говорят, скучный и ничем не примечательный.

— Каков на самом деле Цинь Шэнь, мы не знаем, — произнёс Хань Хань. — Но этого Еян Цы я раскусил: он хочет сделать себе карьеру, и для этого решил расправиться с нашими семьями. Брат Го, вы должны что-то придумать.

Го Саньцай ответил:

— Сейчас нам остаётся только временно уступить, чтобы усыпить его бдительность. А потом мы найдём его ошибку или упущение и ударим в самое больное место. Кстати, если удастся втянуть чиновника в какое-нибудь тёмное дело, возможно, он ещё послужит нашим интересам.

— Как втянуть? Денег он не берёт, даже фамильные ценности продал и всё пожертвовал.

— Человек живёт на свете не ради одной лишь выгоды. Нужно попробовать с другой стороны.

В сумерках Го Сысян и Хань Лумин бродили по бамбуковой роще в заднем дворе ямэня.

— Что за одежду нам дядя прислал, посмотри, на что это похоже! — смущённо теребил Го Сысян кожаный доспех на груди.

На первый взгляд это была военная форма: кожа и ткань облегли его мощную спину и тонкую талию. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что на груди зияет вырез, живот наполовину обнажён, и даже пупок виден из-под низко сидящих штанов. Ткань же была такой узкой, что туго обтягивала его округлые ягодицы.

Лумин, напротив, был одет в просторный халат с широкими рукавами, на который не пожалели шёлка. Вот только ткань эта была тонкой и прозрачной, как марля, а воротник распахивался чуть ли не до пояса, держась на одном лишь тонком шнурке. Впрочем, юноша, казалось, чувствовал себя вполне комфортно. Он покружился на месте, и рукава его взметнулись, словно крылья.

— Друг мой, посмотри на меня, разве я не похож на учёного мужа эпохи Вэй и Цзинь?

Сысян отвёл взгляд:

— Ты же без нижнего белья под этим, дёрни за шнурок — и будешь голым бегать.

— В древности все утончённые и знаменитые мужи так одевались, — Хань Лумин, налюбовавшись собой, с презрением посмотрел на спутника. — Не то что ты, будто тебя на поле боя раз десять проткнули, весь в дырках.

Юноша попытался оправдаться:

— Это стиль с боевыми повреждениями, по-мужски!

Два этих... нет, не Чёрный и Белый дьяволы... а «спящий дракон» и «молодой феникс», подталкивая друг друга, вышли из бамбуковой рощи.

Поднявшись по ступеням и миновав коридор, они остановились перед освещённой, но закрытой дверью. Го Сысян немного нервничал:

— Дядя сказал, что господин уездный судья вызвал нас для частной беседы. Зачем же в такое время, да ещё и в спальне?

Хань Лумин, которого проинструктировал отец, знал гораздо больше. В душе он находил всё это абсурдным и смешным. Но этот «господин Фую» всегда был легкомысленным и считал, что если уж смотреть комедию, то нужно самому стать её участником. Он даже хотел подлить масла в огонь, чтобы насладиться всей иронией происходящего.

И он сказал:

— Глубокая ночь, запертая комната... должно быть, речь пойдёт о чём-то очень важном. Господин Еян ценит нас и хочет взять под своё крыло.

— Правда? — Алю чувствовал какой-то подвох, но, будучи молодым и увлечённым лишь боевыми искусствами, неискущённым в делах амурных, не мог понять, в чём дело. Он решил не забивать этим голову и легонько постучал в дверь.

Лишь после нескольких стуков дверь медленно отворилась. Еян Цы, в халате цвета лунного света, с небрежно собранными в пучок волосами, стоял в свете лампы, словно туманная, расписная статуя небожителя.

Го Сысян покраснел. Слова в его голове смешались в хаос, как стадо диких зверей, и он, заикаясь, не мог вымолвить ни слова.

Еян Цы оглядел его с ног до головы и усмехнулся:

— Сяоци Го, вы только что вернулись из Линьцина и по дороге столкнулись с разбойниками? Должно быть, выдалась жаркая схватка.

Господин Хань толкнул своего спутника в спину. Воин, не удержавшись на ногах, пошатнулся и полетел прямо на хозяина комнаты. Тот, отступив в сторону, легко увернулся.

Хань Лумин, воспользовавшись моментом, шагнул в комнату, закрыл за собой дверь и с улыбкой сказал:

— Ночь длинна, а в покоях Минфу нет даже «красных рукавов». Позвольте мне растереть для вас тушь и возжигать благовония.

Судья тут же всё понял. Ему стало и смешно, и досадно. Встретившись с насмешливым взглядом Жун Кэ, он понял, что перед ним любитель повеселиться, и решил подыграть ему. Он взял юношу за запястье, подвёл к столу, покрытому войлочной скатертью, и поставил кувшин с вином на ещё не остывшую жаровню.

— Как раз вовремя. Весенняя ночь прохладна, выпей со мной несколько чаш. — Когда вино согрелось, он налил чашу и протянул её Хань Лумину, а затем повернулся к Го Сысяну: — Хочешь присоединиться?

Сысян, видя, как друг с чашей в руке прислонился к плечу чиновника, чуть не лишился дара речи.

— Хань Жун Кэ, что ты творишь! Сядь ровно, не смей оскорблять господина!

Хань Лумин поднял чашу, приглашая его присоединиться. Его прозрачные рукава взметнулись, как летящий снег.

— Друг мой! Жизнью нужно наслаждаться. Если не хочешь пить, так станцуй боевой танец, позабавь господина.

— Счас, станцую! — Го Сысян наконец понял, в чём дело, и в ярости воскликнул: — Го Саньцай что, нас в качестве взятки прислал? Чёрт побери, я побью этого старого ублюдка!

Лумин, хлопнув по столу, рассмеялся, подливая масла в огонь:

— Побей его! Я тебя поддерживаю.

Теперь все дыры в его «боевом наряде» наполнились жгучим стыдом. Юноша огляделся, увидел на вешалке нефритно-белую накидку и поспешно накинул её на себя. Всё ещё кипя от гнева, он сел за стол и приказал товарищу:

— А ну иди сюда, сядь напротив господина, и прекрати эти свои штучки.

Хань Лумин, придерживая полы своего наряда, пересел. Оба официально поклонились Еян Цы.

Судья поставил кувшин и серьёзно сказал:

— Вы двое — один учёный, другой воин — лучшие из молодого поколения семей Го и Хань. Сегодняшнее унижение вы претерпели из-за меня.

— Господин здесь ни при чём, — тут же ответил Алю. — Это наши семьи поступили грязно. Мы от их имени просим у вас прощения.

Он низко поклонился и, подняв голову, продолжил:

— Мы оба слышали от глав кланов о возвращении арендаторов и уплате налогов. Вы правы,

господин: не станет кожи — где волосу держаться. Главное — спасти Сяцзинь. После возвращения крестьян на землях семьи Го не хватает рабочих рук. Все члены нашего клана и слуги будут участвовать в весеннем севе. Я уже взял отпуск в гарнизоне.

Еян Цы кивнул:

— Труд вознаграждается. Это будет уроком и для молодёжи ваших семей. Я дам уездной школе и академии полмесяца каникул на весенний сев. Кроме тебя, Жун Кэ. — Он посмотрел на Хань Лумина. — Ты был первым на провинциальных экзаменах. Я читал твою работу. В этом году в третьем месяце ты должен участвовать в столичных экзаменах и имеешь все шансы на победу. Уже середина второго месяца, если ты не отправишься в путь, то можешь не успеть.

Юноша лениво улыбнулся:

— Докладываю вам, господин, я не хочу участвовать в столичных экзаменах.

Еян Цы удивлённо вскинул бровь:

— На провинциальных экзаменах ты обнаружил, что отпрыски знатных семей жульничают, и доложил об этом окружному судье Сюю, за что был наказан и едва не лишён своего звания. К счастью, за тебя заступился Учитель Иньси, да и твоя работа была действительно выдающейся, так что звание цзеюаня за тобой сохранили.

Улыбка исчезла с лица Хань Лумина, как снег под горячей водой. Когда он опустил глаза, вся его легкомысленная ветреность сменилась бледной утончённостью.

— Я подвёл Учителя. Он — великий учёный, который никогда в жизни никого ни о чём не просил, и лишь ради меня поступился своими принципами. А я из-за этого понял, что в чиновничьем мире нет ни справедливости, ни правосудия, а есть лишь интриги, компромиссы и сделки. Когда я вернулся домой под проливным дождём, отец первым делом спросил: «Ты сохранил звание цзеюаня? Это не повлияет на столичные экзамены в следующем году?». И тогда я окончательно осознал, что моей семье нужен не Хань Лумин, а долгожданный хуэйюань, чжуаньюань, глава округа, военный губернатор, министр или даже великий секретарь.

— Поэтому, господин, я не хочу идти на службу, — он поднял голову и посмотрел на Еян Цы. — Я хочу учиться по всему свету, путешествовать по Поднебесной.

— А потом?

— А потом... я ещё не думал так далеко. Море знаний безгранично.

— Но жизнь имеет предел. Обрести талант управлять миром и знания, чтобы умиротворить

страну, и не применить их — не жаль ли?

Хань Лумин замолчал. Через мгновение он спросил:

— Господин, я хочу задать вам один вопрос, который не должен был бы задавать.

— Спрашивай, — мягко сказал Еян Цы.

— Почему вы стали чиновником?

Судья моргнул и медленно улыбнулся:

— Я не стану говорить. Пусть те, кто рядом со мной, смотрят, слушают, чувствуют... И однажды они поймут.

Жун Кэ долго смотрел на него, а затем торжественно произнёс:

— Когда я закончу своё обучение и вернусь, я тоже хочу стоять рядом с вами и смотреть. Только не знаю, найдётся ли тогда рядом с вами место для меня.

— Для лучшего ученика Учителя Иньси у меня всегда найдётся место.

Хань Лумин отступил на два шага и низко поклонился:

— Господин, я прощаюсь.

Он выпрямился и сказал ошеломлённому Го Сысяну:

— Друг мой Алю, я не умею ни пахать, ни строить стены. Моё пребывание в Сяцзине не принесёт пользы народу. Я отправляюсь в Цзиньхуа, Учитель Иньси ждёт меня там. Передай моему деду, что Жун Кэ оказался недостойным и не смог исполнить чаяния семьи Хань. Отныне пусть они считают, что у них нет такого отпрыска.

Он встал, встряхнул свою прозрачную одежду, развёл руки в стороны и продекламировал:

— У меня нет стремления к высоким постам,

Зачем мне подниматься в павильон Циляня.

Некогда я обращался оленем,

Нёс солнце на спине и озарял горы и реки!

Открыв дверь, Хань Лумин, развевая полами одежды, изящно удалился.

Го Сысян долго смотрел ему вслед и наконец выдохнул с сожалением:

— Я знал, что однажды он покинет семью Хань, покинет Сяцзинь, но не думал, что этот день наступит так скоро.

Еян Цы налил две чаши вина, взял одну и поднял её к двери:

— Проводим господина Фую.

Алю выпил до дна и поставил чашу. Словно омытый внезапным ливнем, он посмотрел на чиновника, и юношеское увлечение в его глазах уступило место твёрдой и глубокой воле.

— Господин Еян, — низким голосом произнёс он, — с детства я восхищался полководцами, сражавшимися на полях битв, и мечтал, как покойный князь Лу, маршал Цинь, защищать родину и расширять её пределы. Но я знаю, что лучше вернуться и сплести сеть, чем стоять у пруда и мечтать о рыбе. Мой первый шаг я сделаю здесь, в Сяцзине, и он должен быть твёрдым, чтобы я мог идти дальше. Прошу вас, господин, невзирая на прошлое, используйте меня, испытайте меня.

Чиновник кивнул ему:

— Сначала возвращайся в семью Го и помоги с весенним севом. Когда придёт время и появится подходящее дело, я найду тебя.

Го Сысян встал, чтобы попрощаться, и хотел вернуть накидку.

— Я не ношу одежду, которую кто-то надевал на голое тело, — сказал Еян Цы. — Оставь её себе.

Юноше было неловко выходить в своей вызывающей дырявой броне. Он тихо поблагодарил, вышел из спальни и притворил за собой дверь.

Ночной ветер шумел в коридоре, срывая с бамбука листья, которые цеплялись за его виски. Юноша отряхнул волосы и, вдохнув слабый аромат белой сливы, исходивший от ткани, почувствовал, как в груди разливается тепло. Он знал, что люди встречаются, расстаются,

снова встречаются и прощаются навсегда, и что тепло, рождённое от близости с некоторыми людьми, останется с ним на всю жизнь, согревая даже в самую холодную зимнюю ночь.

Выходя через боковую дверь заднего двора, Го Сысян увидел у поворота повозку. Дремавший возница встрепенулся и что-то сказал вглубь экипажа. Мгновение спустя оттуда выскользнула тень и приблизилась к нему. Это был Хань Хань.

Регистратор Хань сказал ему:

— Так быстро вышел? Брат Го велел мне ждать вас здесь. А Жун Кэ ещё в комнате? Я сейчас позову людей, чтобы войти...

Сысян набрал в грудь воздуха, сжал кулак и с размаху ударил Ханя. Тот с криком упал на спину, из носа хлынула кровь, а в глазах потемнело.

Восемнадцатилетний Го Сысян дико рассмеялся:

— Ваши тела и имена обратятся в прах, но не иссякнут великие реки, текущие вечно!

<http://bllate.org/book/15875/1437556>